

СТО ЛЕТ НАЗАД УМЕР **Антон Павлович** Его творчество сегодня актуальнее, чем при его жизни

Моск. новости - 2004 - 16-22 июля - с. 18.

ПАРАДОКСЫ

ПОЧЕМУ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗАГОВОРИЛ ПО-НЕМЕЦКИ



Возможно, смерть спасла Чехова от судьбы Горького

Михаил ЗОЛотонос

Великий русский писатель Антон Павлович Чехов умер в Баденвейлере 15 июля 1904 года на сорок пятом году жизни. Умер на курорте, во время совершенно ненужной с медицинской точки зрения поездки с женой-актрисой, которой хотелось совместить бесполезное лечение безнадежно больного мужа с летней светской жизнью. В Ялте, где больной писатель жил, жене было скучно. Смерть же, как признали современные врачи, была преждевременной вследствие плохого ухода.

Современники восприняли смерть Чехова символически: «Печали жгучий яд он выпил полной чашей, / Впитал в себя всю грусть, глубокий, как родник. / И был отравлен он тоскою жизни нашей, / Терпением рабов и тупостью владык. / Дыханье пошлости ему дышать мешало. / До гроба мучила холодная вражда. / И, наконец, толпа любовью истерзала. / Но был он одинок повсюду и всегда». Так по сути верно писал поэт Скиталец в 3-й книге «Сборника товарищества «Знание» за 1904 год», посвященной памяти Чехова.

Ощущение безнадежности и тупика, выраженное в произведениях Чехова, по-прежнему актуально. То образ Хамелеона встретится, то упомянутый в рассказе «Клевета» (1883) младший ревизор контрольной палаты Егор Венедиктович Мзда. По части описания поведения чиновного сословия Чехов не уступает Салтыкову-Щедрину и Сухово-Кобылину, его «конек» — отношения господства — подчинения, которые в российском варианте неотделимы от хамства, от намеренного унижения, обязательно входящего в условия игры начальства с подчиненными. Иллюстрация — гениальное «Торжество победителя» (1883): «Бегай вокруг стола и пой пе-

тушком!» — командует начальник. «Я бегал и думал: «Быть мне помощником письмоводителя!»

Но наряду со всей этой актуальностью, являющейся следствием того, что Чехов описал константы русской жизни, он видится еще и русским философом-экзистенциалистом. Уже в ранних шедеврах «Смерть чиновника» (1883) и «О бренности» (1886) темой — несмотря на смех — оказывается смерть. Знаменитые пьесы, которыми была создана новая театральная система, в частности, породившая режиссерский театр, — это тоже продукция философа-экзистенциалиста, занятого интуитивным постижением бытия, которое готово к смерти. Впрочем, Чехов не только опередил экзистенциалистов вроде Сартра, но опережал, например, и своего современника Ницше. В рассказе «Талант» художник

ли», из которой взята цитата, написана между 10 и 30 июля 1887 г., почти через год после публикации рассказа «Талант». По текстам Чехова рассыпана целая философская система.

Одна из важнейших частей этой философской системы — философия гендерных отношений. Чехов был великим знатоком женской психологии, точнее сказать, тут ему вообще нет равных в русской литературе. «Душечка», «Ариадна», «Дама с собачкой», «Дом с мезонином», «Анна на шее» — это уже такие литературные вершины, что вокруг пустовато. При этом главным в его отношении к женщинам была гинофобия, проистекавшая из страха перед властью женщины над мужчиной. Та же оппозиция господство/подчинение (см. выше о чиновниках), но на «половом» материале. Тема, естественно, распространялась и на само-

Чехов не только опередил экзистенциалистов вроде Сартра, но опережал, например, и своего современника Ницше

Егор Саввич декларирует: «Я не могу жениться... Художнику и вообще человеку, живущему искусством, нельзя жениться. Художник должен быть свободен». Женижба равнозначна гибели, брак — это тошнотворный быт, несвобода, рабство... Аналогичные мысли высказал Ницше: «Каждое животное... отшатывается от любого рода беспокойств, лежащих... на его пути к оптимуму... Кто из великих философов до сих пор был женат? Гераклит, Платон, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант, Шопенгауэр — не были; более того, их невозможно даже представить себе женатыми. Женатый философ уместен в комедии <...>». Книга «К генеалогии мора-

го Чехова, т.е. проживалась им в собственной жизни, особенно интенсивно с 1886 г., когда он в свой день рождения 17 (29) января сделал предложение Дуне Эфрос, а потом сделал все, чтобы брак не состоялся (Дуня напугала его своей властью, своим «господством»). С 1886 года женщины предлагают ему руку и сердце, а он увиливал. Постепенно образ «страшной женщины» оформился в трех вариантах.

Во-первых, гиперсексуальная любовница или даже (как исключение) жена, которая провоцирует мужчину на бесконтрольную и длительную трату энергии, в чем и состоит катастрофическое следствие ее сексуальной власти. Энергия же нуж-

на мужчине на карьере, на достижение успеха — сыну разорившегося таганрогского лавочника это движение вверх представлялось главным в жизни.

Во-вторых, женщина типа Ариадны из одноименного рассказа 1895 года, сама сексуально холодная, но властная и ненасытная по части требований к мужчине. Своими чарами она мужчину себе подчиняет, заставляет вождеть и затем изводит, принуждая бесконечно тратить на нее силы, деньги и время. Кстати, именно этот тип больше всего возбуждал Чехова-мужчину и интересовал Чехова-писателя. Примечательно, что Чехов отверг любовь нервной и экзальтированной Лики Мизиновой, ставшей прообразом Нины Заречной, но пошел на необременительный, как игра, роман с актрисой Яворской, которая оказалась одним из прототипов Аркадиной. И женился Чехов тоже на актрисе, игравшей Аркадину, — на Ольге Книппер. Что бы ни писали о несовпадении Книппер и очаровательной пошлячки и эгоистки Аркадиной, типаж был все-таки общим.

В-третьих, жена, которая и сама тонет «в тине пошлого мещанского существования», и утягивает на дно мужа. «Жена есть жена», — знаменитая дефиниция Андрея Прозорова.

На Ольге Книппер Чехов женился — в точном соответствии со своей теорией, — когда энергии уже не осталось, а времени утонуть в «тине» и вовсе не было. Это был «антибрак», образцовый во всех отношениях: от раздельного проживания (в разных городах) до полного отсутствия любви со стороны жены. «Важно было не то, что они раздельно жили, а то, как они раздельно жили. Он — безнадежно больной — тосковал в своей Ялте, где имелось «все, кроме жизни», она занята спеней и тем, что сопутствует молодой знаменитости: ресторанами, банкетам, приемами», — писал в самой строгой по отношению к Ольге Книппер статье А. Альтшуллер.

А все потому, что женатый философ уместен в комедии. Последняя комедия, которую Чехов сам и разыграл, — это женитьба на «актрисе» и губительная поездка с женой в Баденвейлер, где пьеса жизни получила финал и русский писатель произнес последнюю фразу в жизни по-немецки: «Ich sterbe», адресовав ее врачу-немецку. В Петербург тело доставили в «вагоне для устриц» (для охлаждения), потом отвезли в Москву, похоронили на Новодевичьем рядом с могилой «вдовы казака Ольги Кукаретниковой».

В 1930 году Чехову могло быть 70 лет. Повторил бы он судьбу Горького, увлекся темой Беломорканала? Или в 1922 году был бы навсегда выдворен из Страны Советов? В последнем случае смертная судьба его как писателя сложилась бы иначе: мог возникнуть эмигрантский писатель вроде Бунина, наверняка Нобелевский лауреат, упоминания о котором строго дозировались бы до перестройки. Россия — такая страна, где, чтобы быть и остаться великим писателем, надо и родиться, и умереть вовремя.

МН